

На правах рукописи

Кузнецова Ольга Александровна

**Русские поэтические школы XVII века
(жанровые формы и топика)**

Специальность 10.01.01 — Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2016

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Пауткин Алексей Аркадьевич

Официальные оппоненты:

Люстров Михаил Юрьевич
доктор филологических наук,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН,
старший научный сотрудник
Отдела древнеславянских литератур

Алёхина Лариса Ивановна
кандидат филологических наук,
Центральный музей древнерусской
культуры и искусства
имени Андрея Рублева,
зав. сектором рукописных
и старопечатных книг

Ведущая организация:

Московский педагогический
государственный университет

Защита состоится «2» марта 2016 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.26 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 201_ г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А. Б. Криницын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень разработанности темы. В истории русской литературы остается еще немало неизученных проблем, это относится к научному осмыслению как Средневековья, так и произведений Нового времени. За последние 50 лет в изучении русского стихотворства XVII века был совершен настоящий прорыв: множество неизвестных поэтических текстов было опубликовано и прокомментировано такими исследователями, как А. М. Панченко¹, В. К. Былинин и А. А. Илюшин², Н. В. Понырko³, Е. Е. Васильева⁴, Е. М. Юхименко⁵, А. П. Богданов⁶ и др. Однако до сих пор в культурно-историческом портрете первой поэтической эпохи Руси остается много непроясненного. Кем были авторы недавно обретенных учеными текстов, как складывались взаимодействия поэтических школ, к которым они принадлежали, каковы были принципы составления стихотворений и литературные установки их авторов — ответы на все эти вопросы только начинают обозначаться в общей картине исследований этого интереснейшего литературного периода.

Научная новизна. Объектом рассмотрения в данной работе является стихотворное наследие авторов XVII века, отражающих эстетические взгляды и культурные категории отдельных поэтических школ. В результате такого подхода вскрываются новые историко-литературные связи, позволяющие реконструировать жанровую систему, стилистические особенности,

1 Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

2 Вишневая поэзия (первая половина XVII века). Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М., 1989.

3 Понырko Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 274-290.

4 Васильева Е. Е. Новоиерусалимская школа песнотворчества // Патриарх Никон Труды. М., 2004.

5 Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008.

6 Богданов А. П. Стих торжества: рождение русской оды, последняя четверть XVII – начало XVIII века. М., 2012.

методологию и систему личных контактов первых русских стихотворцев. Работа с малоизвестными поэтическими источниками позволяет ввести в научный оборот новые стихотворные произведения и фрагменты. А изыскания в области текстологии способствуют дешифровке в уже опубликованных текстах форм тайнописи и установлению списков и источников поэтических сочинений.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования являются работы Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, А. В. Позднеева, Н. В. Поньрко, Е. М. Юхименко, Е. Е. Васильевой. При анализе материалов используется исторический метод (взгляд на творчество авторов виршей в контексте литературных школ и исторических особенностей эпохи, установление личностей участников литературного процесса), сопоставительный метод (сличение текстовых фрагментов, обнаружение реализаций у разных авторов виршей общих топосов), текстологический метод (работа с разными редакциями одного произведения, различение произведений в составе стихотворной компиляции, реконструкция испорченных акростихов).

Цель и задачи. Цель исследования — научное описание системы поэтических школ в России XVII века на основании наблюдений за исторической трансформацией художественных образов и литературных форм, а также прочтение малоизвестных стихотворных текстов, изучение литературных контактов между авторами виршей.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Введение в научный оборот неизвестных и неопубликованных текстов, опыт написания историко-литературного комментария к ним.

Стихотворения XVII века исследованы неравномерно: для одних есть краткий комментарий в сборниках, другие рассмотрены в русле изучения одной литературной школы, но вне общекультурного контекста. Многие поэтические тексты до сих пор не изданы, существуют проблемы в распознавании

оригинальных стихотворений и их списков, совершенно не изучены компиляции как литературное явление эпохи и источник для понимания стихотворных формул. Кроме того, воссоздание поэтической картины мира древнерусского книжника и способа написания стихотворных текстов невозможно без тщательной текстологической работы с цитатами, аллюзиями и материалами из азбуковников, с помощью которых, по-видимому, «собирались» некоторые стихотворные фрагменты. Такое конструирование текстов затрудняет решение вопросов атрибуции, однако проясняет проблему творческих связей стихотворцев и функционирования образцовых текстов.

2. Уточнение исторических контактов между представителями поэтических школ, вынесение на этом основании суждений о существовавших литературных центрах.

Зачастую недостаток информации об авторах в писцовых книгах и иных документах подразумевает необходимость привлечения исторических сведений, почерпнутых из текстов стихотворений, которые при установке на автобиографизм (в особенности это касается посланий) являются важными источниками сведений о жизни поэта и адресата. Реконструкция судеб отдельных авторов, в частности, уточнение фактов взаимодействия с другими стихотворцами, позволяет лучше представить отношения авторов внутри поэтических школ и между ними.

3. Анализ методов и средств, с помощью которых создаются стихотворения той или иной поэтической школы.

Наблюдения над повторяющимися мотивами, образами и темами в виршах способствуют выявлению топосов, унаследованных стихотворной школой из традиции древнерусской литературы раннего времени, литургической или фольклорной поэзии. Сличение с источниками аллюзий важно для выявления неточных цитат-переделок, которыми изобилует книжная поэзия XVII века. Лейтмотивы, встречающиеся в стихотворениях авторов одного круга, являются

определяющими для выявления культурных категорий, играющих ключевую роль в философии и поэтике школы.

4. Характеристика системы стихотворных жанров эпохи

Определение пути исторического развития жанровых форм, сложившихся и изменявшихся в XVII в., дает понимание механизмов историко-литературного процесса в целом. Поэзия как наиболее открытая для литературных экспериментов форма тонко реагирует на культурные изменения времени и представляет динамичную картину социальных процессов XVII века. Особой задачей является соотнесение жанрообразования и системы топосов на материале ранней книжной поэзии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В XVII веке активно формируется система жанровых форм книжной поэзии, она включает стихотворное послание (ставшее полем для создания так называемых «элегических клише» и поэтического языка стихотворной притчи), предисловие, эпитафию, плач, поучение, а также более подвижные формы — такие как вирши о смерти, стихотворение Кресту, азбучные стихи.

2. При разнообразии литературных подходов различных поэтических школ их авторы пишут в рамках одних и тех же жанровых форм, что следует объяснить взаимовлиянием книжных центров и усиливающимся процессом формирования общего литературного языка эпохи.

3. В стихотворениях XVII века господствует «собираательная» тенденция, продиктованная желанием авторов создать наиболее полный и наилучший текст, в связи с чем метод атрибуции текстов путем только лишь обнаружения сходных фрагментов оказывается нецелесообразным. В то же время проблему атрибуции помогают разрешить изыскания в области индивидуально-авторского стиля отдельных стихотворцев. Стремление к собиранию разнородных тестов приводит и к созданию стихотворных компиляций. Их текстологический анализ необходим не только для обнаружения новых поэтических текстов, но и для

корректной интерпретации стихотворных фрагментов, входящих в состав компиляции.

4. Еще одной важной тенденцией поэзии XVII века различных школ является демонстрация мудрости, учености (за счет чего возникает множество форм поэтической игры) и преемственности по отношению к авторитетным текстам (библейским, святоотеческим или иным поэтическим). Отслеживание свободных поэтических цитат в стихотворных текстах дает возможность реконструкции историко-литературной картины в России XVII в.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты, достигнутые в данной работе, могут быть использованы при дальнейшем изучении литературного процесса XVII в., а также в подготовке к лекционным и практическим занятиям по древнерусской литературе и специальным курсам по истории русской поэзии.

Апробация результатов. Основные результаты данного исследования были представлены в форме научных докладов на Международных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2012, 2013, 2014 гг.), XIII Кирилло-Мефодиевских чтениях (2012 г.), I, II и III Международных конференциях молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (2012, 2013, 2014 гг.), Международных конференциях молодых филологов в Тарту (2013, 2014, 2015 гг.), IV Соколовских научных чтениях (2015 г.), VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (2015 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** охарактеризованы предмет и объект исследования, методологическая основа, актуальность и новизна работы, определены

основные термины, поставлены цель и задачи.

Первая глава «История и проблемы изучения русской поэзии XVII века» включает в себя обзор научной литературы по предмету. Рассматривается история изучения и публикации стихотворных текстов, анализируются основополагающие работы по описанию отдельных поэтических школ, намечаются основные проблемы, стоящие перед исследователями современности. Также характеризуется круг рассматриваемых источников.

Среди проблем, которые ставят перед собой исследователи поэтических школ, выделяется два основных комплекса:

I. Проблема структуризации поэтических школ XVII в.

1. Выявление основных литературных черт школы (жанровые формы, комплекс образов и тем, представленных в творчестве, и др.);

2. Описание исторических факторов, способствовавших возникновению объединения;

3. Уточнение круга авторов, входящих в состав школы;

4. Изучение взаимоотношений между представителями различных школ.

II. Проблема создания индивидуальных авторских портретов

1. Выявление авторского стиля;

2. Атрибуция текстов (в том числе входящих в состав стихотворных компиляций).

Изучение ранней русской поэзии до начала XX в. носило, в основном, точечный характер. Влияние первых стихотворных опытов на древнеславянском материале, описанных А. И. Соболевским⁷, Р. О. Якобсоном⁸, Н. С. Трубецким⁹,

7 Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. СПб., 1910. Т. 88.

8 Якобсон Р. О. Заметка о древнеболгарском стихосложении // ИОРЯС. Т. 24. №2. М., Пгр, 1923.

9 Trubetzkoy N. Ein altkirchenslavisches Gedicht // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XI, ½. Leipzig, 1934.

Д. Костичем¹⁰ и др. на формирование книжной поэтической традиции XVII в. очень невелико. Первые систематические описания и публикации текстов этого времени, наряду с фольклорными материалами, принадлежат В. Н. Перетцу¹¹. С середины XX в. к поэзии XVII столетия начинает применяться термин «поэтическая школа».

Приказная школа (историко-литературные закономерности, увиденные в виршах московских дьяков и подъячих) впервые была открыта и описана А. М. Панченко¹², впоследствии его идеи получили развитие в работах С. И. Николаева¹³, В. К. Былинина¹⁴, А. А. Илюшина¹⁵. Среди авторов приказного круга особенно выделяют справщика Савватия, Михаила Злобина, Петра Самсонова, Алексея Романчукова, Алексея Онуфриева, Стефана Горчака и др. Однако принципы определения авторского круга приказной школы у исследователей оказались различны. А. М. Панченко опирается, в первую очередь, на исторические контакты поэтов, поскольку приказная школа, по мнению ученого, не существует без личного общения стихотворцев, их ощущения принадлежности к одной корпорации. По этой причине он уделяет столько внимания формуле «любовный / духовный союз», приписывая ей значение связи с группой. Для В. К. Былинина и А. А. Илюшина решающим оказывается принцип поэтики текстов: их организации, предназначения, использования общих топосов, словесных формул. Именно поэтому, по версии ученых, в кругу приказных авторов оказываются такие своеобразные

10 Kostić D. Бугарски епископ Константин — писац службе св. Методију. // *Bvzantinoslavica*, VII. Praha, 1937—1938. С. 189—211.

11 Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1. СПб., 1900.

12 Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

13 Николаев С. И. Два стихотворца XVII века // *ТОДРЛ*, Т. 39. Л., 1985.

14 Былинин В. К. Русская поэзия первой половины XVII века. Проблемы развития М., 1985.

15 Виршевая поэзия (первая половина XVII века). Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989.

стихотворцы, как Евфимия Смоленская, Тимофей Акундинов и др.

Безусловно, попытка причислить всех известных современной науке стихотворцев XVII в. к какому-либо поэтическому объединению заведомо обречена на неудачу. Поэтому в отдельных случаях представляется правильным говорить о влиянии на конкретного автора как поэтической школы, к которой его нельзя отнести по историческому принципу, так и фольклорной поэзии, подражание которой может быть его индивидуальным творческим методом. В связи с этим характеристика литературных центров с их особыми поэтическими установками и взаимовлиянием и распределение ряда авторов по «территориальному» признаку оказываются наиболее плодотворными.

Проанализировав и опубликовав значительную часть текстов приказных поэтов, А. М. Панченко и В. К. Былинин в своих основополагающих работах сделали выводы о жанровой системе и основных литературных приемах приказных стихотворцев 30-40-х годов XVII в., которые стали опорой для данного исследования.

Новоиерусалимская (Никоновская) поэтическая школа была открыта в конце 50-х годов А. В. Позднеевым¹⁶. Все ее авторы связаны с Воскресенским монастырем на Истре (Новым Иерусалимом). Среди стихотворцев этой группы прежде всего называют монаха (архимандрита) Германа, поэта Василия, дьякона Иоанникия, иеродьякона Герасима Парфеновича, автора стихотворной летописи Никанора, архимандрита Тихона. Ряд исследователей приписывают некоторые гимнологические стихотворения новоиерусалимского наследия Епифанию Славинецкому. В настоящее время поэзией Никоновской школы

16 Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII – XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). // Уч. записки Московского гос. заочного пед. института. Т. I. М., 1958.

занимается исследовательница Е. Е. Васильева¹⁷, немалое внимание уделяющая музыковедческой стороне вопроса.

Большой интерес для исследований представляет собой Выговская (или Выголексинская) стихотворная школа, название которой происходит от монастыря на р. Выг. Наиболее известны среди авторов Выголексинской школы братья Денисовы. Основные работы по изучению творчества представителей Выговской школы и публикации текстов принадлежат Н. В. Понырکو¹⁸ и Е. М. Юхименко¹⁹. Важные замечания, касающиеся круга тем и поэтических жанров, были сделаны также А. М. Панченко²⁰. До сих пор в науке мало говорилось о преемственности выговской поэтической традиции по отношению к авторам приказной школы, что выражается на уровне жанровых форм и топики. Именно поэтому вопреки существенному временному интервалу и выходу за рамки XVII столетия стихотворения выговских авторов рассматриваются в данной работе.

Большей частью исследователей признается тот факт, что во второй половине XVII столетия вокруг придворного поэта Симеона Полоцкого складывается писательская «корпорация». Среди его литературных преемников называют прежде всего Сильвестра Медведева, Кариона Истомина. Библиография по научному осмыслению творчества Симеона Полоцкого и его окружения довольно обширна, основные работы принадлежат И. П. Ерёмину²¹,

17 Васильева Е. Е. Новоиерусалимская школа песнотворчества (по рукописным Российской национальной библиотеки) // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 3: По материалам научной конференции «Бражниковские чтения – 2005». СПб., 2008. С. 161–186.

18 Понырکو Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 274–290.

19 Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства. М., 2008.

20 Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

21 Ерёмин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948;
Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. СПб., 2004.

Л. И. Сазоновой²², А. Хипписли²³, А. П. Богданову²⁴. В связи с хорошей научной освещенностью вопроса описанию поэтической школы Симеона Полоцкого на страницах данной работы уделяется меньше внимания, нежели трем другим (приказной, выговской и Новоиерусалимской), однако анализ использования «общих мест» стихотворцами разных школ включает и этот материал.

Проблема научного описания русских поэтических школ XVII века стоит перед исследователями и по сей день. Как правило, ученые ограничиваются подробным описанием лишь одной поэтической школы, тексты которой они вводят в научный оборот, и потому существует недостаток видения общей культурной картины эпохи, системы взаимосвязей школ. Пожалуй, уникальной в своем роде является монография А. М. Панченко «Русская стихотворная культура XVII века», в которой внимание уделено школам как первой, так и второй половины столетия. Но со времени публикации этой книги прошло почти полвека: многие неизвестные ранее тексты появились в научном арсенале исследователей; ряд выводов, сделанных А. М. Панченко, нуждается в уточнении и корректировке.

Вторая глава «Особенности художественного метода стихотворцев XVII в» посвящена рассмотрению литературных установок отдельных поэтических школ, связанных с художественными идеями и формами их выражения. Глава включает четыре параграфа. **Во вступительном разделе «Рождение поэтической культуры»** описывается процесс становления авторского самосознания в виршах. Приводятся примеры стихотворных высказываний по поводу написанного («Уже ми устал ум и мысли: // и ветрило,

22 Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012.

23 Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Кельн, 1996.

24 Богданов А. П. Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики в 2 тт. М., 1983.

и весла свисли»²⁵). Осознание ранней книжной поэзии как новой формы литературного выражения также запечатлено в стихотворениях. Ощущение обособленности поэтического круга, к которому принадлежат авторы виршей, оказывается важным фактором для образования поэтических школ, рассмотрению которых посвящены три следующих раздела. **Параграф «Поэтическая картина мира в творчестве авторов приказной школы»** содержит пять подразделов и отражает соответствующие их названиям особенности мировоззрения приказных авторов, дьяков и подьячих московских приказов: 1) основополагающее значение категорий мудрости (то есть владения широким кругом цитат) и остроумия (стихотворного мастерства); 2) использование комплекса формул, освоенных и созданных в рамках школы; 3) понимание виршей не только как инструмента общения, получения материальных благ у адресатов посланий, но и источника эстетического удовольствия; 4) наличие двух основных литературных ролей (просителя и учителя) для автора послания (основного жанра приказной школы); 5) стремление к собиранию в виршах лучших плодов словесной культуры, что способствует созданию стихотворных компиляций и обильному цитированию в произведениях приказных поэтов. Отдельное внимание уделяется механизмам, нарушающим перечисленные закономерности, поскольку любое историко-литературное развитие подразумевает разнонаправленные процессы. Так, характерная для приказных виршей дистанция между фольклором и литературой нарушается при создании компиляций с паремийной составляющей, а преодоление сформировавшейся стихотворной формулы наблюдается в виршах Петра Самсонова, одного из самых «оригинальных» авторов школы.

Для дьяков и подьячих, для представителей черного и белого духовенства,

служителей Московского Печатного двора, относящихся к приказной школе, стихотворство является регулярным умственным упражнением, а навык сочинения виршей – показателем учености. Отсюда вытекают их основные приемы: эмблематические толкования имен, акrostихи и иного рода шифры, параллелизм и образное уподобление (метафора, сравнение), барочный принцип остроумия, многочисленные цитаты и косвенные отсылки к авторитетным текстам (книгам Священного Писания, сочинениям Отцов Церкви, азбуковникам, Физиологу и другим популярным сборникам).

Как особенность творчества приказных авторов принято выделять «естествословную тенденцию», однако интерес к чудесным свойствам камней, легендам о природных явлениях и проч. связан с возможностью выстроить нравственную аналогию в проповедническом духе, а потому относится ко всей эпохе; подобные примеры можно найти в прозаическом творчестве протопопа Аввакума.

До появления приказной школы возникает немало записанных стихотворений в жанре молитвы, в которых используются образы и словесные формулы, получившие позднее развитие в творчестве приказных стихотворцев. Немалое сходство приказной поэзии с жанром книжной молитвы обуславливается и отношением к словесной единице, когда факт произнесения, запечатления слова уже сам по себе полнозначен. Именно поэтому в арсенале приказных авторов есть множество композиционных формул, используемых ради того, чтобы произведение было правильно структурировано и удовлетворяло риторическим моделям. В том числе, можно говорить о наличии сигнальных формул, которые указывают на завершение той или иной содержательной части: «Аминь, и в томъ словѣ нам не позазри, // Что мы в мысли своеи поизвязли»²⁶.

Хотя приказные авторы при составлении виршей опираются на книжные источники, однако же проблемы, волнующие стихотворцев, связаны с глубоко жизненными ситуациями: как расположить к себе покровителя, как доказать собеседнику его неправоту и убедить измениться, как учтиво попросить денег у родителей или выразить соболезнования по поводу смерти близкого человека и мн. др. Практическая задача виршей переплетена с эстетической. Вместе со стихотворным посланием адресату предлагается загадка, элемент соревнования как в искусстве прочтения исходного текста, так и составления ответного. Одна из основных задач, которую ставит перед собой автор виршевых посланий, – усладить стихотворной формой адресата, передать литературный привет, доставить радость и заверить в своем дружественном расположении.

Адресант поэтического послания приказной школы может выступать в одной из двух ролей (в рамках одного произведения он может занимать поочередно обе позиции), это роли просителя и учителя, «дидаскала». В зависимости от выбора автором позиции тон его послания может быть «умиленным», плачущим или полемическим, наставительным. В каждом послании приказной школы содержатся также два неперенных компонента: повествовательный элемент с изложением своей просьбы (или того сообщения для собеседника, ради которого на бытовом уровне стихотворение было написано) и обрамляющий компонент, абстрактные истины, косвенно связанные с целью автора (афоризмы о любви к ближнему, философии, взаимовыручке; христианские истины и пословицы), риторически доказывающие необходимость оказать помощь, последовать совету и пр. Из этих общих высказываний, развернутых в длинные ассоциативные параболические ряды, складывается тема стихотворения («Главизна и конецъ добродѣтелемъ любъ нелицемѣрна <...> Ея же нѣсть ни едино во благихъ на земли точно, // Юже получивъ кий, явится, яко море медоточно <...> Елико убо во звѣздахъ пресвѣтло сияе солнце, // Еще же свѣтлѣиши того имущаго ю

содѣваетъ сердце»²⁷).

На примере приказной школы можно наблюдать два важных явления при создании поэтического языка эпохи: во-первых, стремление укрепить статус книжной поэзии шаблоном, во-вторых, выходы за рамки этих шаблонов. С одной стороны, повторяемость, стихотворная мозаичность, компилятивность - черта поэзии XVII столетия в целом. С другой стороны, за укреплением клише следует попытка его преодоления.

В третьем параграфе «Жанровые и стилистические особенности поэтического творчества авторов Новоиерусалимской школы» освещаются основные литературные установки никоновских стихотворцев, монахов Воскресенской обители. Песенные тексты этих авторов рассматриваются в комплексе с эпиграфическим творчеством в связи с общностью их литературной организации. Пять подпараграфов этого раздела названы в соответствии с основными творческими закономерностями, существующими в рамках школы. Это осознание авторами событий и реалий Священной истории как вневременных и ощущение личного участия в этих событиях, раскрывающееся в виршах; высокая эмоциональность и динамика стихотворного повествования; органичное сосуществование сюжетного и лирического компонентов; отсутствие выработанных школой стихотворных формул при общем литургическом контексте топосов; повышенный интерес к контрастным образам: оппозициям «свет» - «тьма», «вода» - «жар», преобладание панегирической составляющей (Божественные гимны) и поэтики страшного, описаний сил тьмы.

Музыкальная партитура для сочинений новоиерусалимских авторов состоит в тесной связи со словесной составляющей псалмов. Переплетение голосов витиевато и барочно, текст следует за мелодией и именно через нее на должном

уровне понимается. Подобно технике мастеров эпохи Возрождения, в поэзии новоиерусалимских авторов за соцветиями вдохновенных образов кроется скрупулезная, кропотливая работа с формой, работа со сложной многоуровневой схемой, которая впоследствии обрastaет содержательным наполнением, новоиерусалимскими воздушными образами и мелодической составляющей.

Новоиерусалимская школа знаменита приемами графического обыгрывания, например, акrostихами. Характерно, что прием акrostиха, в отличие от авторов приказной поэзии, нес декоративную функцию, показывал степень авторского мастерства, но почти не использовался для передачи тайного текста и, как представляется, прочитывался братией с бóльшим успехом, нежели случайными чиновниками московских приказов.

В новоиерусалимской поэзии гораздо чаще, чем у авторов других школ, используется звукопись. В сборнике «Алфавит» имеется обыгрывание букв (за которыми закреплены стихи в алфавитной последовательности) и корней слов, связанных с наименованиями святых: «Мироточивых струй обилныя реки // Туне точит во вся ныне человеки, // Мир всех чюдесами чюдно удивляя, // Ликийский же остров светло просветляя»²⁸.

Идея обособленности поэтического круга «новоиерусалимских жителей» находит отражение в творчестве этой школы точно также, как в произведениях приказных авторов возникает образ беседы мудрецов. Для новоиерусалимской поэзии характерно ощущение сопричастности описываемым событиям: авторы не просто отсылают к авторитетным текстам, но сами свидетельствуют о Библейских событиях и чудесах святых. Основные жанровые формы, панегирические псалмы, в которые заключены мысли и чувства новоиерусалимских стихотворцев, являют миру поэзию радости, сдобренную

символикой боя и средневековым интересом к чудищам тьмы, — но неизменно повествующую о победе над этой тьмой при помощи небесных заступников.

Четвертый параграф «Культурные координаты старообрядческой поэзии» разделен на две части. В первой рассматривается стихотворное творчество протопопа Аввакума и его ученика, инок Авраамия.

Поэзия Аввакума, балансируя на грани виршей и его экспрессивной, образно богатой прозы, тяготеет к фольклорному жанру духовного стиха, тогда как вирши инок Авраамия написаны в духе поэзии начала XVII столетия. Он использует тот же образный язык, те же группы рифм и евангельские топосы, что были известны в 30-40-е гг. приказным авторам. Часть из них унаследована из древнерусской литературы более ранних времен.

Вторая часть параграфа посвящена Выговскому (Выголексинскому) стихотворству, впитавшему художественные традиции ранних старообрядческих авторов. Среди основных творческих установок в Выговской стихотворной школе особо обозначены связи с виршами начала века (переосмысление заданных ими культурных категорий и использование общего набора топосов, формул); особый характер отношения к слову как к инструменту спасения, утешения; смешение фольклорного и книжного в виршах (образы, мотивы, жанры). Многие из отмеченного связано с самоощущением старообрядческих авторов как последних хранителей древней истины, запечатленной и в духовных стихах, жанре церковной проповеди и полемических виршах против ересей первых десятилетий этой эпохи.

Жанровый спектр виршей выголексинских авторов чрезвычайно широк. Выделяется наставление отроку, послание, панегирик, надгробные стихи, вирши к церковным праздникам, «приветственные писания» (причем поздравления могут быть соединены с наставлениями), стихотворное предисловие и плач.

Многое в старообрядческой поэзии напоминает отголоски ранних русских

виршей первых десятилетий XVII века: отдельные образы и формальное устройство стихотворений, жанровая преемственность, стихотворные вставки в прозаические сочинения (как в сочинениях Ивана Катырева-Ростовского, Ивана Хворостинина и Семена Шаховского). Мотив сопротивления чужой, «испорченной» вере, выразившийся у выголексинских авторов в соответствии с культурой старообрядчества, ясно звучал и в начале столетия по отношению к западной идеологии (к примеру, в виршах Ивана Шевелева-Наседки). Поэтому мысли и образы, известные из «Книги о вере» (1644) и почерпнутые ее создателями, видимо, из какого-то более раннего источника, отразились в виршах как выговских авторов, так и более ранних стихотворцев («Западная ж церковь темна во дни и в нощи, // Горки бо бе их зело израстуют овощи»²⁹). Несмотря на культурное противостояние, в стихотворном наследии этой школы выражена идея преемственности по отношению к другим поэтическим центрам.

В третьей главе «Жанровые формы книжной поэзии XVII века» описываются стихотворные жанры, рассматриваемые уже не как особенности отдельных поэтических школ, а как формы, выражающие культурные ориентиры эпохи. Основное внимание уделяется влиянию топосов на формирование жанров, общих для нескольких поэтических центров. Глава включает в себя два параграфа. **Первый параграф «Текстообразующая формула в классических жанрах»** посвящен анализу трех жанровых форм — послания, предисловия и эпитафии — и традиционно сопутствующим этим формам топосов, оказывающих влияние на композицию стихотворных произведений. Жанры названы классическими, поскольку они не являются новыми литературными формами для русской литературы и их общему рассмотрению в науке уже посвящено несколько работ. Жанрообразующими топосами для стихотворного послания оказываются формулы, сопутствующие

дружеской поэзии (вводится понятие любви) и формулы-«закрепки», используемые не только в виршах разных школ, но и проникшие в эпистолярную прозу. Основными свойствами стихотворных предисловий выступают их мозаичность и декоративность. Формулы, организующие текст в виршевой эпитафии, как правило, связаны с прямым обращением к читателю. Важным для укрепления этой формулы в стихотворной традиции становится текст эпитафии Симеону Полоцкому Сильвестра Медведева.

Второй параграф «Нестабильные жанровые структуры» содержит характеристику особых жанровых форм, обозначившихся в поэзии XVII века и впоследствии растворившихся в других жанрах литературы Нового времени. Разделы посвящены разбору азбучных рифмованных стихов (и тенденции азбучного упорядочивания текста в целом); стихотворениям в виде креста и посвященным Кресту (с эмблематической тенденцией); поэтическим элементам притчевого характера и виршам о смерти (возникшим под влиянием переводных произведений соответствующего жанра). поэтапное развитие этих жанровых структур хорошо отражает картину общего культурно-исторического процесса XVII века.

Азбучные стихи XVII в. нельзя рассматривать в ряду виршей с традиционным акростихом: это совершенно особая поэтическая форма. Ключевое ее отличие состоит в том, что перед нами не стихи со скрытым дополнительным текстом, но, в первую очередь, именно текст азбуки – хорошо известный, явный, – воплощенный в текущем стихотворении. Такие вирши не просто содержат в себе азбуку, но обусловлены ею. Поэтому связь между текстами по горизонтали и вертикали, как правило, содержательная.

Сходные по структуре стихотворения Кресту обнаруживаются в творчестве авторов Новоиерусалимской и приказной поэтических школ. Основными чертами этой формы является анафорический повтор и параллелизм строк, содержательно она близка к религиозному элогиуму. Осколками этой весьма

специфической, а потому не состоявшейся в литературе Нового времени жанровой формы можно назвать некоторые стихотворения школы Симеона Полоцкого.

Процесс становления жанра стихотворной притчи можно наблюдать на примере стихотворений различных поэтических школ. Наиболее распространенные микросюжеты — о человеке со звериными чертами, о сопоставлении земной жизни с путешествием по морю, о борзom коне. Важно, что двоестрочия с параллельной рифмовкой, широко применяемой поэтами начала XVII столетия, как раз обеспечивают двусоставность излагаемой мысли, поэтому у ряда авторов этого периода структура поэтического текста параболична, художественный образ и его интерпретация составляют две ветви параболы, концы которых перекликаются в рифме. Даже в редуцированном виде притча для первых русских книжных виршей является проводником сюжетности, промежуточной формой для образования новых стихотворных жанров с повествовательным компонентом.

При анализе виршей, посвященных смерти, а также отдельных фрагментов стихотворений, в которых находят отображение соответствующие формулы, можно выделить несколько уровней понимания образа:

1) Авторы виршей начала столетия отказываются от аллегорического образа одушевленной смерти, заменяя ее понятием «смертный час», передавая ее функции демоническим персонажам или ангелам (что созвучно как некоторым иконографическим изображениям того времени, так и смешанным литературным образам европейского Средневековья). В этот период частотны формулы, выражающие страх и неизбежность гибели всего живого, скоропостижная смерть толкуется как наказание грешникам, которое влечет за собой адские муки. Самый распространенный мотив этого времени — «посечение», жатва.

2) Посредством переводных источников в русскую литературу приходит

обширный комплекс формул, мотивов и художественных образов, связанных со смертью: умирают не только старые, но и юные; умирает и богатый и бедный (часто – царь); перечни имен сильных мира сего, не избежавших смерти, а также названий величайших царств; описания телесного разложения, мотив обманчивой (преходящей) физической красоты; человек посекается, как трава, юноши погибают, как цветы; коловратность, непостоянство земных благ, богатств (мотив пересекается с колесом фортуны). Сама смерть при этом одушевляется и в пределах используемых мотивов надевает маски палача, разбойника, сумасбродного злодея, война, честного жнеца и др. В целом на европейском материале принято сводить все эти мотивы к трем: «пляски смерти», «где сильные мира сего», физиологические описания смерти.

Принято считать, что последний мотив не был унаследован древнерусской литературой, однако на материале виршей можно доказать обратное: благодаря многочисленным переводам и переработкам стихов о смерти европейского происхождения и этот способ поэтического осознания оказался освоенным русскими книжниками к середине века.

Интерпретации всех этих мотивов очень подвижны. Одни вирши написаны, по примеру авторов начала века, с дидактической целью утешить, внушить читателю страх смертный. Другие создаются в барочном духе: их авторы явно любят, перебирая парадоксы жизни и смерти, это — вирши «поэтики изумления». Третьи пытаются примирить человека с философией смерти: безжалостный агрессивный персонаж становится справедливым судьей, уравнивающий богача и бедняка в своих правах. В четвертых выстраивается философия многих смертей, указывающая на то, что физического прекращения жизни нельзя бояться; все чаще звучат темы прекрасной смерти праведников и спасительной, побеждающей смерть смерти Христа.

3) Третий уровень понимания не имеет четкой хронологической привязки, встречается редко, но при этом является следствием осмысления потока топосов

европейского происхождения. Он представляет собой некоторый выход за пределы шаблона: когда автор приходит к личному осознанию смерти, перестает удивляться, перебирая затертые формулы, пренебрегает ими и привносит свой собственный опыт в стихотворение. Идейно этот уровень дублирует первый: в центре изображения человеческий ужас и отчаяние. Однако вирши такого типа создаются во второй половине XVII века, когда школа барочных формул авторами уже пройдена, поэтому стихи о смерти этого уровня представляют собой некий синтез известных мотивов и личного осознания.

Традиционные мотивы, связанные с образом смерти, проходят через плачи и эпитафии, через сочинения общего нравоучительного характера, но между тем, у авторов разных поэтических школ есть и отдельные стихотворные произведения, посвященные формульной характеристике (собирательный, барочный вариант) и личному осознанию (лирическая составляющая) прихода смерти. Эти вирши, по примеру европейских медиевистов, можно объединить одним жанром. Кроме того, многие вирши о смерти сопоставимы не столько с индивидуальным авторским творчеством, сколько с опытом поэтического припоминания условного прототекста: когда стихотворец снабжает стихотворение формулами, напрямую не связанными с темой, но являющимися традиционными для нее.

В заключении работы делаются выводы и намечаются перспективы для дальнейших исследований.

Средневековые книжные центры, в которых складывались стихотворные школы, вопреки их территориальной удаленности друг от друга и временной дистанции не были закрытыми структурами, но испытывали взаимовлияния. Безусловна преемственность выговских старообрядцев по отношению к московским стихотворцам; авторы начала столетия отражают явления, окончательно оформившиеся к середине — второй половине XVII в; близость

художественных методов обнаруживается между учениками Симеона Полоцкого и монахами Нового Иерусалима.

Именно по этой причине в работе подробно рассмотрены стихотворные жанры, в которых объединяется опыт нескольких поэтических школ. Если об особых жанровых формах — таких, как послание с двойным (здравствующим и покойным) адресатом на Выге или стихотворная летопись в виде «предисловия к храму» в Воскресенском соборе, — сказано при рассмотрении отдельных школ, то заключительная часть работы посвящена характеристике общих жанровых форм. При рассмотрении этих неустойчивых конструкций выявляются культурные категории, характерные для эпохи в целом. Так, азбучный принцип составления стихотворных текстов и циклов созвучен пониманию мира как книги; крестообразные вирши — один из ранних шагов к освоению стиля барокко; притчевое начало, выявленное в микросюжетах разнородных стихотворных фрагментов, оказывается важной ступенью в истории развития занимательного сюжета с моралью; вирши о смерти, сгруппированные по историческим периодам, позволяют увидеть быстро изменяющееся мироощущение авторов и смену культурных координат конца XVII — начала XVIII вв.

В ходе исследования установлены новые историко-литературные связи, выдвинуты версии по поводу источников и атрибуции стихотворных текстов. В частности, обнаружена связь между виршами Алексея Онуфриева и автором стихов из новоиерусалимского «Алфавита»; стихотворными цитатами из сочинений Семена Денисова и переводной поэзией Евфимия Чудовского. В творчестве Петра Самсонова обнаруживаются два совершенно разных стихотворения к Василию Иосифовичу, ранее считавшихся редакциями одного текста. В работе также сделаны наблюдения над формальными экспериментами в ранней поэзии и дешифровано несколько акrostихов, позволяющих подтвердить атрибуцию или понять место текста в композиции поэтического

цикла.

Изучение русского книжного стихотворства XVII века – одно из самых перспективных направлений в исследовании древнерусской литературы. Введение в научный оборот, популяризация и всестороннее описание неизвестных и малоизвестных стихотворных текстов, создание развернутой истории поэтических школ позволит по-новому взглянуть на историко-литературный процесс в России.

Работа содержит ряд **приложений** со стихотворными тестами, до сих пор полностью не публиковавшимися, на материале которых (наряду с уже известными стихотворениями) проводилось исследование.

В научный оборот вводится девять пространных стихотворных текстов: компиляция (в составе которой обнаруживается неизвестное послание Михаила Злобина и несколько других произведений); анонимные вирши о книгах; неизвестная редакция предисловия к псалмам (переделка предисловия Симеона Полоцкого с опорой на Тихона Макарьевского); три не публиковавшихся до сих пор послания Петра Самсонова; два общих образцовых предисловия (одно из них сохранилось фрагментарно); послание монаха к Фёдору Афанасьевичу, атрибутируемое справщику Савватию.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

- 1. О притчевом начале в русской поэзии XVII века // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2014. № 4. <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/598>.**
- 2. «Вина всем добродетелям — любовь»: «любовная» поэзия на Руси XVII века // Русская речь. М., 2014. №6. С. 64 — 68.**
- 3. «Крестообразные» стихотворные формы в России XVII века // Вестник Орловского Государственного университета. №4 (39). Орел, Издательский**

дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 270 — 272.

4. О мозаичности стихотворных предисловий XVII в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. №3 (61), М., 2015. С. 67 — 68.

5. О евангельских образах в виршах приказной школы стихотворства (первая половина XVII в.). // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Итоговый сборник научных работ. Материалы XIII Кирилло-Мефодиевских чтений 15 мая 2012 г. М.: Ремдер 2013. С. 239 — 241.

6. К проблеме авторского стиля в русской поэзии XVII в. // Текстология и историко-литературный процесс: I Международная конференция молодых исследователей. Сборник статей. М., Лидер, 2013. С. 10 — 22.

7. Из истории и предыстории банальной рифмы // Русская филология. 25: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2014. <http://www.ruthenia.ru/document/551847.html> С. 33 — 39.

8. Об устройстве русских стихотворных компиляций XVII в. // Текстология и историко-литературный процесс: II Международная конференция молодых исследователей. Сборник статей. М., Лидер, 2014. С. 29 — 36.

9. «Молитва» Евфимии Смоленской в кругу источников. // Текстология и историко-литературный процесс: II Международная конференция молодых исследователей. Сборник статей. М., Лидер, 2014. С. 38 — 46.

10. Поэзия азбуки (феномен стихотворных азбуковников XVII в.). // Русская филология. 26: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2015.

11. Псалмы, посвященные святым, в Новоиерусалимской стихотворческой традиции (XVII в.) // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. Вып. 6. М., 2015. С. 147 — 151.

Кузнецова Ольга Александровна
Русские поэтические школы XVII века
(жанровые формы и топика)
Формат 60×90/16 Тираж 100 экз.
Подписано в печать 21.12.2015 Заказ № 356
Типография ООО «Генезис» 8 (495) 246-12-21
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 86